



## Первые шаги на учебной службѣ.

### I.

Окончивъ „общіе“ классы въ Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, я, по принятому въ то время порядку, былъ отправленъ вмѣстѣ съ моими сверстниками въ Петроградъ, въ „спеціальные“ классы Дворянскаго полка.

Это было мое первое большое путешествіе по Россіи, и мнѣ хочется хоть кратко остановиться на немъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Тогда у насъ были только двѣ желѣзныя дороги: Петроградъ—Москва и Петроградъ—Павловскъ. До Москвы надо было ѣхать на лошадахъ, и насъ повезли на долгихъ, цѣлымъ обозомъ, по четыре человѣка въ крытой кибиткѣ. Это была веселая и поучительная дорога. Везли насъ два офицера: капитанъ Фердинандъ Александровичъ Сильвестровичъ и поручикъ Эрнъ; оба спокойные, распорядительные и общительные люди. Мы пробыли въ дорогѣ до Москвы 24 дня, включая сюда и остановки для дневокъ. Въ пути обозъ нашъ двигался медленно, и мы много шли пѣшкомъ. Помню, какъ насъ интересовали совсѣмъ незнакомыя намъ, уроженцамъ юга, бытовыя особенности средней Россіи. И большіе города, какъ Харьковъ, Курскъ, Москва, и русскія села съ рубленными избами, вытянувшіеся въ двѣ линіи вдоль длинной улицы, и русскія поля и русская природа, все это было для насъ ново. Погода намъ благопріятствовала. Все было предусмотрено для нашего удобства; пріѣзжая на постоянные дворы въ полдень и вечеромъ, мы заставляли уже готовый обѣдъ или ужинъ, приготовленный поваромъ, ѣхавшимъ на одинъ перегонъ впередъ.

Иногда, чтобы не мучить лошадей въ жару, мы ѣхали ночью, и какое это было наслажденіе!

Для дневокъ мы останавливались въ Харьковѣ, въ Бѣлгородѣ (здѣсь мы служили панихиду въ соборѣ, въ склепѣ, надъ гробомъ тогда не канонизированнаго еще святителя Юсафа Горленко), въ Курскѣ, въ Орлѣ, въ Тулѣ и въ Москвѣ. Въ трехъ послѣднихъ городахъ мы помѣщались въ зданіяхъ кадетскихъ корпусовъ (въ Москвѣ, въ Александринскомъ сиротскомъ корпусѣ). Въ Орлѣ мы не застали нашихъ сверстниковъ, они были уже отправлены въ Петроградъ; но я хорошо помню директора, генерала Тинькова, показавшагося намъ очень мягкимъ и гостепріимнымъ; онъ далъ мнѣ даже на память свою визитную карточку; но отъ его кадетъ, уже въ Дворянскомъ полку, мы узнали, что это былъ лютый звѣрь по части розогъ и что дѣла въ этомъ корпусѣ шли далеко не благополучно. Въ Москвѣ мы пробыли три дня, осматривали Кремль, святыни и дворцы. Мы были все время въ какомъ-то подъемѣ, который улегся только, когда послѣ желѣзнодорожнаго полуторадневнога пути, насъ водворили въ временномъ помѣщеніи Дворянскаго полка, тѣсномъ флигелѣ на Б. Спасской улицѣ, у самой каменной громады главнаго зданія.

Хочу теперь безъ большихъ задержекъ перейти къ предмету моихъ воспоминаній.

Въ то время только-что были учреждены въ кадетскихъ корпусахъ „третьи“ спеціальныя классы, которые должны были служить подготовительными для академій—артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба. Я прошелъ всѣ три спеціальныя класса и въ 1856 г., вмѣстѣ съ производствомъ въ офицеры въ л.-г. Павловскій полкъ, былъ прикомандированъ къ инженерной академіи.

Мое производство почти совпало съ днемъ моего рожденія: всего лишь за нѣсколько дней мнѣ исполнилось 18 лѣтъ. Я былъ слишкомъ молодъ и для гвардейскаго прапорщика, и для слушателя академіи, и если бы я не былъ удостоенъ перевода въ III спеціальныя классы, то меня, какъ не достигшаго еще законнаго возраста, продержали бы два года во II спеціальномъ классѣ.

Въ академіи я пробылъ всего одинъ годъ и на слѣдующее лѣто, отчасти подъ предлогомъ болѣзни, а больше потому, что хотѣлось домой, уѣхалъ въ отпускъ въ мои родныя мѣста,

Осенью того же года я выдержалъ при Полтавскомъ корпусѣ экзаменъ на репетитора фортификаціи, и къ веснѣ 1858 г. былъ утвержденъ въ этой должности.

Не буду говорить, съ какимъ удовольствіемъ я почувствовалъ себя вновь связаннымъ и съ роднымъ для меня корпусомъ, и съ Полтавой, которая тоже представлялась мнѣ какимъ-то уютнымъ, мирнымъ и живописнымъ мѣстомъ въ моихъ столичныхъ воспоминаніяхъ.

Полтава оправдала мои ожиданія. Въ дни моего пріѣзда на службу она радостно блестяла на весеннемъ солнцѣ; въ большомъ кругломъ саду передъ корпусомъ слышенъ былъ ароматъ распускавшихся масляныхъ деревьевъ; большой институтскій садъ, надъ крутымъ спускомъ къ рѣкѣ, былъ положительно окутанъ широкою лиловою каймою душистой сирени. Внизу, на Подолѣ, Ворскла представляла величественное и захватывающее зрѣлище въ своемъ весеннемъ разливѣ. Было что-то гостепріимное и въ тѣхъ даже случайныхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось мое хозяйственное устройство въ этомъ городѣ. Я помѣстился на жительство и на полный пансіонъ въ домѣ почтенной, домовитой и очень доброй старушки г-жи Гриневичъ, константиноградской помѣщицы и матери довольно извѣстныхъ тогда въ Полтавѣ Гриневичей, одинъ изъ которыхъ, Иванъ Кузьмичъ, въ слѣдующемъ октябрѣ вошелъ въ составъ комитета по крестьянскимъ дѣламъ и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Въ пансіонѣ я учился вмѣстѣ съ другимъ ея сыномъ, рано умершимъ Сергѣемъ, и это видимо расположило ко мнѣ старушку.

Во флигелѣ мнѣ отвели комнату съ окнами въ густой разросшейся садъ. Подъ окнами у меня цвѣли нарцисы; я могъ рвать ихъ, протянувъ только руку за окно.

Въ комнатѣ, рядомъ съ моей, я неожиданно встрѣтилъ моего однокашника по Дворянскому полку, артиллерійскаго поручика Броневскаго, раненаго въ Севастополѣ и прикомандированнаго къ корпусу.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣла сложились такъ, что лучше трудно было и желать. Я почувствовалъ себя устроеннымъ такъ домовито, спокойно и пріятно, какъ этого еще не случалось со мной за годъ моей самостоятельной жизни въ столицѣ.

У бабушки я чувствовалъ себя въ семействѣ; у нея были двѣ не молодыя уже, но очень заботливыя воспитанницы, пре-

Чтобы не путаться въ моихъ воспоминаніяхъ, скажу, что эта первая встрѣча произошла, когда я пріѣхалъ еще держать мой экзаменъ на репетитора, и что съ тѣхъ поръ, до самаго конца моей репетиторской службы, я бывалъ въ этой милой, семьѣ какъ свой человѣкъ.

Меня радушно встрѣтили мои бывшіе наставники, а теперь сослуживцы, и учителя и офицеры. Въ ихъ обращеніи со мной было что-то трогательно добродушное, не то, что покровительственное, а патриархальное. Эти добрые люди были какъ будто рады, что въ ихъ среду попалъ ихъ бывший питомецъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ какъ будто занимало и то, что у нихъ появился такой молодой сослуживецъ.

Все это помогло мнѣ, разумѣется, скоро освоиться съ корпусными порядками, и по мѣрѣ моего знакомства съ ними я начиналъ чувствовать, что корпусъ перемѣнился не по одному своему внѣшнему виду; во всей его внутренней жизни было много такого, чего я не зналъ въ мое кадетское время. Прошло всего пять лѣтъ, а измѣнились и порядки, и люди, и нравы.

Правда, это пятилѣтіе было значительно для русской жизни; оно было отмѣчено историческими событіями великаго значенія. Я уѣхалъ изъ Полтавы, когда тамъ только начинали еще говорить о неожиданной войнѣ съ Турціей; я вернулся спустя два года по заключеніи Парижскаго мира. Густой туманъ суроваго формализма, плотно застилавшій русскую дѣйствительность, начиналъ уже въ это время постепенно разсѣиваться, стали образовываться просвѣты и, мало по малу, начали предъявлять свои права насущныя потребности государственнаго и общественнаго строя. Это былъ большой всеобщій подъемъ, можетъ быть сначала не сразу замѣтный еще во всѣхъ общественныхъ сферахъ, но постепенно возраставшій и возмущившій собою все теченіе русской жизни.

Это движеніе видимо начинало тогда уже захватывать и такую размѣренную жизнь кадетскаго корпуса, какою она была въ мое дѣтское время.

Я намѣренно хочу нѣсколько дольше остановиться на этихъ перемѣнахъ, сразу бросившихся мнѣ въ глаза въ моемъ родномъ заведеніи. Именно въ этихъ перемѣнахъ и заключалось уже зерно того развала нашихъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, который закончился преобразованіемъ всей системы военно-учебныхъ заведеній въ 1863 г.

Объ этомъ много уже говорили, но я глубоко убѣжденъ, что по этому вопросу не все еще сказано, а вопросъ этотъ я считаю

очень важнымъ не для однихъ военно-учебныхъ заведеній. То педагогическое одушевленіе, которымъ ознаменовалось преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, распространилось на всѣ учебныя и воспитательныя заведенія нашего государства, и составило эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Старинная система кадетскихъ корпусовъ рухнула не сразу, я былъ свидѣтелемъ какъ бы первичныхъ симптомовъ ея разложенія еще кадетомъ, въ Дворянскомъ полку (при мнѣ переименованномъ въ Константиновскій кадетскій корпусъ), но въ Полтавѣ я могъ наблюдать весь ростъ этого развала до катастрофы дальше которой трудно было уже идти. Я былъ въ выгодныхъ условіяхъ для наблюденія; я былъ членомъ учительской корпораціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ близокъ и къ кадетской средѣ. Въ корпусѣ были еще кадеты, которыхъ я хорошо помнилъ, когда они были въ приготовительныхъ классахъ, а я былъ у нихъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ или фельдфебелемъ. Они рады были поговорить со мной и повѣряли мнѣ иногда такія вещи, о которыхъ стали бы рассказывать не всякому изъ офицеровъ или учителей. Съ другой стороны, и въ разговорахъ съ моими почтенными сослуживцами мнѣ приходилось слышать многое такое, что говорится только въ очень интимныхъ бесѣдахъ.

Огонь разложенія невидимо тлѣлъ уже подъ покровомъ внѣшней исправности и въ то время, когда все казалось еще благополучно; чтобы найти его слѣды, мнѣ нужно припомнить мои первые впечатлѣнія на службѣ въ корпусѣ.

### III.

Въ то время въ корпусѣ не было уже серьезнаго, умнаго и добраго Егора Петровича Врангеля. Послѣ отъѣзда его въ Вильну на должность попечителя Виленскаго учебнаго округа въ 1854 г., директоромъ корпуса былъ назначенъ генераль Юрьевъ. Я не засталъ уже и бывшаго инспектора классовъ полковника Ницкевича; на этомъ мѣстѣ я нашелъ Павла Ильича Бодянскаго, человѣка не военнаго; это случалось тогда въ кадетскихъ корпусахъ, но довольно рѣдко.

О Юрьевѣ мнѣ приходилось слышать, что до назначенія директоромъ онъ служилъ на Кавказѣ, занимая какое-то значительное мѣсто по жандармскому управленію.

По тому времени эта прежняя служба директора не могла быть для него доброй рекомендаціей въ глазахъ его новыхъ

подчиненныхъ въ учебномъ заведеніи. Объ этомъ всегда упоминалось какъ-то съ ироніей. Но и самъ Юрьевъ, какъ я его себѣ теперь припоминаю, не былъ одаренъ такими свойствами, которыя могли бы поселить расположеніе къ нему въ его подчиненныхъ.

Онъ былъ человѣкъ добрый, готовый къ благосклонному отношенію, когда все шло такъ, какъ это ему нравилось. Но у него не было такта; иногда по самому ничтожному поводу, а иногда и безъ повода, ему казалось, что онъ долженъ проявить свое чиновное достоинство. Его невысокая фигура топорщилась, въ его негромкомъ голосѣ начинали слышаться рѣшительные акценты, и онъ способенъ былъ наговорить человѣку колкостей безъ всякаго повода. Къ кадетамъ онъ стоялъ не близко. Превъзятости стали уже отходить въ то время въ преданіе; думаю, что и самъ онъ не былъ жестокъ по натурѣ, но появлялся онъ въ корпусѣ не часто и совсѣмъ не умѣлъ держать себя съ кадетами, особенно съ болѣе взрослыми. Онъ старался быть непогрѣшимо докторальнымъ и внушительнымъ, но сплошь и рядомъ прорывался, и это зорко подмѣчали юноши, не прощающіе своимъ старшимъ никакихъ слабостей; его неловкія поученія, его неосновательныя приказанія служили предметомъ неистощимаго издѣвательства въ старшихъ ротяхъ. Онъ любилъ, напримѣръ, бывать на экзаменахъ и держалъ себя всегда при этомъ, какъ человѣкъ непреложнаго авторитета во всякомъ учебномъ предметѣ. Это ставило иногда и учителей въ довольно неловкое положеніе.

Былъ такой случай: приходитъ директоръ на экзаменъ по естественной исторіи; кадетъ отвѣчаетъ о ящерицахъ. — „А знаешь ли ты о двухголовыхъ ящерицахъ?“ — съ апломбомъ спрашиваетъ директоръ. Кадетъ заминается.

„Вы имъ не говорили?“ — обращается директоръ къ учителю. — „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ спокойно, но не безъ тонкой ироніи Викторъ Родіоновичъ Варжанскій. — „Почему?“ — начинаетъ уже кипиться директоръ. — „Потому“, — еще спокойнѣе отвѣчаетъ Варжанскій, что двѣ головы на одномъ тѣлѣ были бы противорѣчіемъ основному закону живого организма: его индивидуальной обособленности...“.

„Оставьте пожалуйста ваша законы; я самъ видѣлъ двухголовыхъ ящерицъ, это такая порода на Кавказѣ“.

Разумѣется, эти двухголовыя ящерицы были тоже тщательно учтены кадетами въ дополненіе къ другимъ, болѣе или менѣе забавнымъ, промахамъ директора.

Я хорошо помню Юрьева и мнѣ кажется, что лѣтъ за десять, за пятнадцать до того времени, онъ былъ бы директоръ, какъ директоръ, не только въ губернскомъ, но и въ столичномъ корпусѣ, все покрывалось бы его чиновнымъ авторитетомъ и дѣло шло бы не хуже, чѣмъ у другихъ. Но въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, онъ былъ уже директоръ не по времени. Въ этомъ была и вся его вина.

Бодянский былъ человѣкъ полный, высокаго роста, но подвижный и, даже можно сказать, юркій. Гладко выбритый по-тогдашнему, онъ имѣлъ добродушное, располагающее къ нему выраженіе лица, и не прочь былъ вплести иногда въ разговоръ, особенно съ значительнымъ лицомъ, веселую шутку. Онъ былъ полтавскій старожилъ. До назначенія на мѣсто инспектора, онъ состоялъ редакторомъ „Полтавскихъ Вѣдомостей“ и былъ человѣкомъ извѣстнымъ въ городѣ.

Припоминаю, что я раза два видѣлъ его въ корпусѣ еще въ мое кадетское время, и случалось это какъ разъ тогда, когда въ корпусъ пріѣзжалъ Ростовцевъ. Очевидно, Ростовцевъ тогда уже его зналъ и благоволилъ къ нему. Онъ встрѣчалъ его въ домѣ у Позена, гдѣ Бодянский былъ и нужнымъ и пріятнымъ человѣкомъ, и заинтересовался этимъ ловкимъ и веселымъ собесѣдникомъ. Открылось мѣсто инспектора классовъ въ Полтавѣ, и, естественно, что на это мѣсто былъ назначенъ полтавскій учитель, лично извѣстный начальнику штаба и не чуждый русской грамотѣ и письменности.

Былъ въ корпусѣ человѣкъ, имѣвшій гораздо больше права на эту должность и по своей службѣ, и по своей серьезной образованности, и по своему, хотя и не совсѣмъ сильному, но совершенно безпартійному характеру. Это былъ Василій Ивановичъ Дудышкинъ. Думаю, что онъ и надѣялся занять это мѣсто, но его забыли, и онъ по-прежнему остался помощникомъ инспектора. Къ чести Василя Ивановича надо сказать, что никогда, ни однимъ словомъ онъ никому не выразилъ своего разочарованія, и продолжалъ дѣлать свое дѣло такъ же ровно и аккуратно, какъ всегда.

У Бодянскаго были хорошія отношенія и къ учителямъ и вообще къ служащимъ въ корпусѣ. Никакихъ сѣтованій по этому поводу не было слышно; но руководить учебнымъ дѣломъ онъ не могъ, онъ былъ человѣкъ мало образованный и потому не имѣлъ никакого авторитета у преподавателей. Въ учительской бывало обыкновенно весело, онъ умѣлъ вернуть свое слово и въ остроумную рѣчь Пильчикова, и въ дѣловитое, иногда